

ЧЕХОВ – ТОЛСТОЙ – ЛЕСКОВ:
рассказ «По делам службы»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00762 «Классики русской литературы второй половины XIX века: биографические «пересечения», критическая рецепция и интертекстуальные связи»;
<https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН.

С. А. КИБАЛЬНИК

**Институт русской литературы (Пушкинский
Дом)
Российской Академии наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID 0000-0002-5937-5339**

kibalnik007@mail.ru

В статье проводится мысль о том, что герой рассказа «По делам службы» доктор Старченко, с одной стороны, внутренне соотнесен с фон Кореном из чеховской повести «Дуэль», а с другой – отличается не меньшей бесцеремонностью и душевной черствостью, чем герой «Ионыча» Дмитрий Старцев последней главы чеховского рассказа. В то же время главный герой рассказа «По делам службы», молодой судебный следователь Лыжин, напо-минает толстовского Левина (а сотский Лошадин – квартального «Рыжова» из лесковского «Однودума», 1879). Так что, с одной стороны, в этом рассказе имеет место яркое проявление автоинтертекстуальности в позднем чеховском творчестве, а с другой – в нем можно видеть своего рода «пред-концептуалистскую» вариацию сквозных мотивов творчества Льва Толстого.

Ключевые слова: Чехов, Толстой, рассказ, творческий диалог, претекст

Посвящается Михаилу Давидовичу Амирханяну

Славно имя Еревана
В Академии наук —
А теперь Амирханяна
Не пустой для сердца звук.
Там, где некогда прощался
Пушкин с «Грибоедом»
Встретился «случайно» —
Сонм литературоведов.
Посредине людной трассы
«Ереван — Степанаван»
Нас июньским знойным часом
Здесь собрал Амирханян.
Подъезжая под Гергеры,
Взглянем мы на небеса
И мгновенно вспыхнут верой
Его карие глаза! :)

Сергей Кибальчич

По следам Пушкинской конференции
в Ереване, июнь 2012 г.

Рассказ Чехова «По делам службы» (1898) – один из малоизвестных шедевров Чехова. Между тем в нем можно обнаружить существенные стороны позднего Чехова-прозаика вообще.

1

Одна из них заключается в том, что позднее творчество Чехова весьма автоинтертекстуально. Не редкость в нем даже своего рода редуцированные ремейки его собственных произведений. Так, например, главные герои повести «Дуэль» (1891) еще раз появились в чеховском творчестве – разумеется в преобразованном виде – в его рассказе «По делам службы» (1898). Парадоксальным образом в нем мы находим новое, своего рода «предконцептуалистское» развитие

сюжета «Дуэли». «Предконцептуалистское» потому, что «предметный мир» в этом рассказе отчасти отступает на второй план, в то время как первый выдвигается варьирование идеи предыдущего произведения через варьирование его сюжета. Напомню, что «концептуализм имеет дело с *идеями* (а чаще всего с *идеями отношений*), а не с предметным миром...» [3].

Фамилия главного героя рассказа «**Лесницкий**» по отношению к фамилии героя этой повести: «**Лаевский**» – носит прозрачно анаграмматический характер. Рассказ о беспричинном самоубийстве страхового агента Лесницкого – по-видимому, оттого, что «жизнь надоела, тоска» [С. 10: 87] – повествует как бы о том, что могло случиться, если бы Лаевский покончил с собой (что, в принципе, было вполне возможным вариантом финала чеховской «Дуэли»).

На вскрытие приезжают «исполняющий должность судебного следователя» Лыжин – «еще молодой, кончивший только два года назад и похожий больше на студента, чем на чиновника», а также доктор Старченко – «мужчина средних лет, с темной бородой, в очках» [С. 10: 87]. В ожидании утра герои проводят вечер, а потом – из-за внезапно разыгравшейся метели – еще и день в усадьбе помещика фон Тауница. Обслуживает их в течение всего этого времени сотский Лошадин.

Фамилия доктора Старченко, внутренне соотнесенного с другим героем «Дуэли» фон Кореном, похожа на фамилию героя написанного Чеховым немногим ранее рассказа «Ионыч» (1898), доктора Старцева. Причем Старченко отличается не меньшей бесцеремонностью и душевной черствостью, чем Старцев последней главки чеховского рассказа [ср.: С. 10: 40-41]: «**Пришла охота пустить себе пулю в лоб, ну и стрелялся бы у себя дома, где-нибудь в сарае. Он, как был, в шапке, в шубе и в валенках, опустил на скамью; его спутник, следователь, сел напротив. — Эти истерики и неврастеники большие эгоисты...**» [С. 10: 87].

Старченко называет Лесницкого «неврастеником» – словом, которое Лаевский применял к самому себе: «... какой я боец? Жалкий **неврастеник**, белоручка» [С. 7: 356]. И высказывается о самоубийце Лесницком в духе «социального дарвинизма» фон Корена.

«Он оставил жену и ребенка, — говорил Старченко. — Неврастеникам и вообще людям, у которых нервная система не в порядке, **я запретил бы вступать в брак; я отнял бы у них право и возможность размножать себе подобных. Производить на свет нервнобольных детей — это преступление** [С. 10: 98]. Фон Корен в разговоре с доктором Самойленко был менее определен в том, каким именно образом Лаевского надо «обезвредить», но в остальном высказывался сходным образом: **«Уничтожить Лаевского нельзя, ну так изолируйте его, обезличьте, отдайте в общественные работы. . . »** [С. 7: 375].

Между тем у самого Старченко слова то и дело расходятся с делами. Это бросается в глаза в эпизоде возвращения Старченко за Лыжиным: « — Видите, **я сам за вами приехал.** <...> — **А у Тауница,** — сказал Старченко, — когда узнали, что вы остались ночевать в избе, **то все набросились на меня, почему я это вас с собой не взял**» [С. 10: 94]. При этом он сам себе противоречит. Объявляет: «...я сам за вами приехал» — и в то же время сообщает, что у Тауница на него «набросились» с упреками. И было за что наброситься: ведь сразу поехать к фон Тауницу Старченко Лыжину не предложил, оставив его ночевать в «земской избе». Этот уездный врач явно представляет собой нечто среднее между фон Кореном и Ионычем, причем от Ионыча финала чеховского рассказа в нем явно больше.

Что же касается фон Тауница, то он смотрит на самоубийцу Лесницкого с сочувствием: « — **Несчастный молодой человек,** — говорил фон Тауниц, **тихо вздыхая и покачивая головой.** — Сколько надо прежде передумать, выстрадать, чтобы наконец решиться отнять у себя жизнь... молодую жизнь» [С. 10: 98]. И, естественно, несколько напоминает этим не фон Корена (что можно было бы предположить по сходству фамилий), а доктора Самойленко. В иной, но сходной ситуации тот увещевал зоолога: « — Я не знаю, Коля, чего ты добиваешься от него, — сказал Самойленко, глядя на зоолога уже **не со злобой, а виновато.** — **Он такой же человек, как и все.** Конечно, не без слабостей...» [С. 7: 374]. Так что диалог фон Тауница со Старченко о Лесницком немного похож на спор между Самойленко и фон Кореном о Лаевском. Если бы Лаевский покончил

жизнь самоубийством, то сходство это, наверное, стало бы еще большим.

В финале рассказа «По делам службы» антагонизм начинающего следователя по отношению к доктору принимает вполне осознанный характер: «И доктор в соседней комнате стал говорить о суровой природе, влияющей на характер русского человека, о длинных зимах, которые, стесняя свободу передвижения, задерживают умственный рост людей, а **Лыжин с досадой слушал эти рассуждения...**» [С. 10: 100].

2

На передний план здесь выдвигается внутренний диалог Чехова с его предшественниками: Лесковым и Толстым. Первый из них связан с образом сотского Лошадина – безропотного служаки, тридцать лет тянущего свою лямку за ничтожное жалованье.

У этого чеховского героя есть реально-биографический прототип. Говоря о мелиховском периоде в жизни брата, который был тогда членом «Серпуховского санитарного совета», на него указал М.П. Чехов: «То и дело к нему приходил то с той, то с другой казенной бумагой сотский, и каждая такая бумага звала его к деятельности. **Этот сотский**, или, как он сам называл себя, „цоцкай“, служил при Бавыкинском волостном правлении, к которому в административном отношении принадлежало Мелихово, и он-то **и выведен Чеховым в рассказе “По делам службы”** <...> Это был необыкновенный человек; он „ходил“ уже тридцать лет, все им помыкали» [цит. по: С. 10: 399].

Между тем, очевидно, есть у сотского Лошадина и литературный прототип. Вспомним высказывание Чехова, которое приводит в своих воспоминаниях о нем А.Н.Серебров-Тихонов: «Вот меня часто упрекают – даже Толстой упрекал, – что я пишу о мелочах, что **нет у меня положительных героев: революционеров, Александров Македонских или хотя бы, как у Лескова, просто честных исправников**. А где их взять?» [1: 594]. При этом Чехов скорее всего имел в виду известный рассказ Н.С.Лескова «Однодум» (1879), открывавший цикл его рассказов о «праведниках». Герой этого рассказа – правда, не «исправник», а «квартильный» – но воистину «честный».

Начитавшийся Библии Рыжов исполняет свои нескончаемые обязанности за десять рублей в месяц – ничтожное жалованье, на которое прожить можно только при условии получения mzды от населения (а он ее упорно ни от кого не принимает).

Герой Чехова – такой же самоотверженный человек, служащий общему делу. Только он не такой бессеребренник, как лесковский исправник. Хотя, говоря о старом барине Лесницком, утаившем завещание своей сестры, сотский Лошадин и отзывается: «ан – нет, погоди, на свете неправдой не проживешь» [С. 10: 91] – подношения он принимает. Так что Лыжин даже удивляется, как это в его душе **«каким-то образом крепко сжились пятиалтынничек, стаканчик и глубокая вера в то, что на этом свете неправдой не проживешь»** [С. 10: 92].

Зато по сравнению с лесковским «однодумом» чеховский «сотский» – очевидно, более жизненный и правдоподобный образ. Не случайно из всех героев этого рассказа Чехова именно он произвел наиболее сильное впечатление на Льва Толстого – причем как раз своеобразным соединением в нем праведности и грешности. В своем экземпляре чеховского рассказа на страницах «Книжек недели», в которых он был опубликован, Толстой провел черту как раз напротив выше приведенной фразы. А позднее в дневнике от 7 мая 1901 года записал о чеховском «цоцком»: «Видел во сне тип старика, кот[орый] у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что **он был почти святой, а между тем пьющ[ий] и ругатель. Я в первый раз ясно понял ту силу, к[акую] приобретают типы от смело накладываемых теней»** [цит. по: С. 10: 401]. «Святым» и безгрешным был лесковский «однодум» – Чехов сделал своего героя менее праведным, зато более жизненным. И это оказалось открытием для Толстого даже уже в последнее десятилетие его жизни.

3

Второй внутренний диалог, который Чехов ведет в этом рассказе со своими предшественниками, – это как раз диалог с самим Толстым – а заодно, может быть, в какой-то степени с Достоевским. Он связан прежде всего со сном, который Лыжин видит в доме фон Тауница.

Во сне ему являются Лесницкий и сотский Лошадин. Они «шли в поле по снегу, бок о бок, поддерживая друг друга; метель кружила над ними, ветер дул в спины, а они шли и подпевали:— Мы идем, мы идем, мы идем. <...> **Мы несем на себе всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей...** [С. 10: 98]. Так еще пока подсознательно чеховский герой начинает ощущать роль народа в жизни образованных сословий: «И почему агент и сотский приснились вместе? <...> Не идут ли они и в жизни бок о бок, держась друг за друга? **Какая-то связь, невидимая, но значительная и необходимая, существует между обоими, даже между ними и Тауницем, и между всеми, всеми... <...> это части одного организма, чудесного и разумного, для того, кто и свою жизнь считает частью этого общего и понимает это» [С. 10: 99].**

Сон этот был, конечно же, подготовлен сильным впечатлением, которое на Лыжина произвела резкая смена обстановки при переезде его из земской избы в дом фон Тауница: «Следователь смеялся, танцевал кадрили, ухаживал, а сам думал: **не сон ли всё это?** Черная половина земской избы, куча сена в углу, шорох тараканов, противная нищенская обстановка, голоса понятых, ветер, метель, опасность сбиться с дороги, и вдруг эти великолепные светлые комнаты, звуки рояля, красивые девушки, кудрявые дети, веселый, счастливый смех — такое превращение казалось ему сказочным; и было невероятно, что такие превращения возможны на протяжении каких-нибудь трех верст, одного часа. И скучные мысли мешали ему веселиться, и он всё думал о том, что это кругом не жизнь, а клочки жизни, отрывки, что всё здесь случайно, никакого вывода сделать нельзя; и ему даже было жаль этих девушек, которые живут и кончат свою жизнь здесь в глуши, в провинции, вдали от культурной среды, где ничто не случайно, всё осмысленно, законно, и, например, всякое самоубийство понятно, и можно объяснить, почему оно и какое оно имеет значение **в общем круговороте жизни» [С. 10: 97].**

Как и застрелившийся Лесницкий, Лыжин в свою очередь тоже отдаленно напоминает Лаевского – только уже Лаевского накануне дуэли, вдруг ощутившего свою собственную вину перед Надеждой Федоровной и всеобщую вину людей друг за друга: «У молодой,

слабой женщины, которая доверяла ему больше, чем брату, **он отнял мужа, круг знакомых и родину и завез ее сюда** — в зной, в лихорадку и в скуку; изо дня в день она, как зеркало, должна была отражать в себе его праздность, порочность и ложь — и этим, только этим наполнялась ее жизнь, слабая, вялая, жалкая; потом он **пресытился ею, возненавидел**, но не хватило мужества бросить, и он **старался всё крепче опутать ее лганьем, как паутиной. . .**» [С. 7: 437]. С учетом всех выше приведенных сопоставлений рассказ 1898-го года, таким образом, оказывается вариацией чеховской повести 1891-го. А осмысление Лыжиным этого сна отмечено отчетливой ориентацией на философию всеобщей вины друг перед другом, развиваемую некоторыми героями Толстого – в частности, Левиным из «Анны Карениной». Ср. у Чехова: «И он чувствовал, что **это самоубийство и мужицкое горе лежат и на его совести**; мириться с тем, что эти люди, покорные своему жребию, взвалили на себя самое тяжелое и темное в жизни — как это ужасно!» [С. 10: 100].¹ Правда, у Толстого при этом звучали некоторые другие оттенки этой мысли, ведь жизнь крестьян Левин воспринимал как «трудовую, чистую и общую прелестную жизнь» [4: 290-291].

Не случайно в своем экземпляре «Книжек недели» с чеховским рассказом Толстой подчеркнул места, в которых «говорится о пробуждении совести Лыжина, где прорывается авторский голос» [С. 10: 401]. Так что скорее всего близость восприятия жизни чеховским Лыжиным по отношению к своему Левину – да и ко многим другим своим героям – он заметил. Тем более что сам Чехов подчеркнул ее неполной анаграмматичностью фамилии своего героя по отношению к герою «Анны Карениной».

Между прочим, такое предположение о происхождении фамилии главного героя рассказа Чехова «По делам службы» вовсе не противоречит другому его объяснению, предложенному А.В. Кубасовым. Исследователь обратил внимание на то, что герой по фамилии «Лыжин» также есть в романе П.Д. Боборыкина «Перевал», с которым Чехов был знаком [см.: Кубасов: 161-163]. Причем там это

¹ Кстати, сходное убеждение высказывает старец Зосима в «Братьях Карамазовых» и многие другие герои русской литературной классики.

«русский ницшеанец». Поскольку Чехов относился к этому роману несколько иронически [ср.: П. 5: 97], то вполне мог дать ту же фамилию своему герою, который похож скорее на толстовского Левина, чем на боборыкинского Лыжина.

Итак, в рассказе Чехова «По делам службы» можно видеть своего рода «предконцептуалистскую» вариацию мотива взаимной ответственности людей друг за друга, который в «Анне Карениной» – и в творчестве Толстого вообще – связан с сюжетной линией Левина. В этом рассказе проявляется отчетливое стремление Чехова к тому, чтобы наметить для современного человека какой-то выход из ограничивающих его свободу социальных, психологических и экзистенциальных пределов.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1986.
2. Кубасов А.В. Фридрих Ницше в русской прозе конца XIX века: ироники и адепты (А.П.Чехов и П.Д.Боборыкин) // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 158-174.
3. Словарь терминов московской концептуальной школы. Сост., предисл. А. Монастырского. М.: Ad Marginem, 1999.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Том 18. Анна Каренина. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. Москва: Наука, 1974–1983.

REFERENCES

1. A.P.Chekhov v vospominaniyah sovremennikov. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1986. 735 p. (In Russ.)
2. Kubasov A.V. Fridrih Nitsche v russkoy proze kontsa XIX veka: ironiki i adepty (A.P.Chekhov i P.D.Boborykin) // Uralskiy filologicheskiy

- vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika hudozhestvennyh system. 2015. № 3, pp. 158-174. (In Russ.)
3. Slovar' terminov moskovskoy kontseptual'noi shkoly. Sost., predisl. A.Monastyrskogo. Moskva: Ad Marginem, 1999. (In Russ.)
 4. Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 t. T. 18. Anna Karenina. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Hudozhetstvennaya literatura", 1934. (In Russ.)
 5. Chekhov A.P. Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomah. Sochineniya: V 18 t. Pis'ma: V 12 t. Moskva: Nauka, 1974–1983. (In Russ.)

ՉԵԽՈՎ – ՏՈԼՍՏՈՅ – ԼԵՄԿՈՎ.
«ԾԱՌԱՅՈՂԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՎ» ՊԱՏՄՎԱԾՔԸ

Ս. Ա. ԿԻՐԱԼՆԻԿ

**Ռուսական գրականության ինստիտուտ (պուշկինի տուն),
 Ռուսաստանի գիտությունների ակադեմիա
 Սանկտ պետերբուրգ, ռուսաստանի դաշնություն**

Հոդվածում ենթադրվում է, որ «Ծառայողական գործով» պատմվածքի հերոսը՝ բժիշկ Ստարչենկոն, մի կողմից, ներքին կապ ունի Չեխովի «Մենամարտ» պատմվածքի ֆոն Կորենի հետ, իսկ մյուս կողմից՝ ոչ պակաս անտարբեր է, քան «Իռնիչի» հերոսը՝ Դմիտրի Ստարցևը Չեխովի պատմվածքի վերջին գլխում: միևնույն ժամանակ, «Ծառայողական գործով» պատմվածքի գլխավոր հերոսը՝ երիտասարդ դատական քննիչ Լժինը, նման է Տոլստոյի Լևինին (իսկ կոնստերվ Լոշադինը նման է ոստիկան «Ռիժովին» Լեսկովի «Однодум»-ից, 1879): Այսպիսով, մի կողմից, այս պատմությունը Չեխովի ուշ շրջանի ստեղծագործություններում ինքնահինտերսետության վառ դրսևորում է, իսկ մյուս կողմից՝ այն կարելի է դիտարկել որպես Լև Տոլստոյի ստեղծագործության կրկնվող մոտիվների մի տեսակ «նախահայեցակարգային» տարբերակ:

Բանալի բառեր՝ Չեխով, Տոլստոյ, պատմություն, ստեղծագործական երկխոսություն, պատրվակ

CHEKHOV – TOLSTOY – LESKOV: STORY "BY THE ROAD"**S. A. KIBALNIK****Institute of russian literature (pushkin house), Russian academy of sciences****St. Petersburg, russian federation**

The article suggests that the hero of the story "By the Road" doctor Starchenko, on the one hand, is internally related to Von Koren from Chekhov's story "Duel", and on the other hand, is no less unceremonious and callous than the hero of "Ionych" Dmitry Startsev in the last chapter of Chekhov's story. at the same time, the main character of the story "By the Road", the young judicial investigator Lyzhin, resembles Tolstoy's Levin (and the constable Loshadin resembles the policeman "Ryzhov" from Leskov's "Singlemind", 1879). So, on the one hand, this story is a vivid manifestation of autointertextuality in Chekhov's late work, and on the other hand, it can be seen as a kind of "pre-conceptualist" variation of the recurring motifs of Leo Tolstoy's work.

Key words: *Chekhov, Tolstoy, story, creative dialogue, pretext*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 6 июня 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.